

РУССКОЕ СЧАСТЬЕ В ЛИНГВОКОГНИТИВНОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Linguocognitive Interpretation of Russian Happiness

Замира Касымбековна Дербисева

zamira.derbisheva@manas.edu.kg

Кыргызско-Турецкий Университет Манас (Бишкек, Кыргызстан)

Zamira K. Derbisheva

zamira.derbisheva@manas.edu.kg

Kyrgyz-Turkish Manas University (Bishkek, Kyrgyzstan)

ISSN: 1698-322X ISSN INTERNET: 2340-8146

Fecha de recepción: 13.03.2019

Fecha de evaluación: 15.06.2020

Cuadernos de Rusística Española n° 16 (2020), 55 - 68

РЕЗЮМЕ

В данной статье на материале многоуровневой вербализации смоделирована виртуальная конфигурация концепта «счастье», в которой объединены понятийный, семантический, собственно-когнитивный и образный фрагменты. При формировании внутреннего контента концепта «счастье» каждый фрагмент раскрыл разные грани русского понимания счастья. При этом интерпретация счастья была обусловлена характером языковых значений. В лексических номинациях было зафиксировано возвышенное понимание счастья; семантика атрибутивных синтагм представила конкретизацию счастья с точки зрения временного аспекта, величины, веса, вкуса, производимого впечатления и т. д. Фразеологическая номинация актуализировала категориальные параметры осмысления счастья с учетом его разновидностей, способов его достижения. Паремиологический уровень выявил этноментальные стереотипы восприятия счастья. В поэзии отмечено пафосное восприятие счастья. В авторских изречениях русских писателей преобладало философское отношение к счастью.

Ключевые слова: концепт, вербализация, лингвокогнитивный анализ, когнитивный признак, ментальный стереотип.

ABSTRACT

The article presents a model of a virtual configuration of the concept of “happiness” (on the basis of multilevel verbalization/embedding), which combined conceptual, semantic, self-cognitive and figurative fragments. While forming the internal content of the concept “happiness”, each fragment revealed different facets of the Russian perception of happiness. In this context, the interpretation of happiness was determined by the nature of linguistic meanings. An elevated perception of happiness was observed in lexical nominations; the semantics of attributive syntagms presented a substantiation of happiness in terms of the temporal aspect, size, weight, taste, impression made, etc. Phraseological nomination foregrounded the categorical parameters of perceiving happiness, taking into account its varieties, and ways of achieving it. The paremiological level showed ethno-mental stereotypes of the perception of happiness. Pompous perception of happiness was observed in poetry. The philosophical attitude about happiness prevailed in the popular aphorisms of Russian writers.

Keywords: concept, verbalization/embedding, linguo-cognitive analysis, cognitive feature, mental stereotype.

ВВЕДЕНИЕ

Как известно, жизнь человека состоит из позитивных и негативных моментов. Высшую степень положительного состояния в жизни человека выражает концепт «счастье», который входит в разряд универсальных эмоциональных понятий, имеющих общечеловеческую значимость. Но вместе с тем понимание счастья для каждого народа имеет этноментальную детерминированность. В философском смысле счастье — это понятие морального сознания, обозначающее состояние человека, которое соответствует наибольшей внутренней удовлетворенности условиями своего бытия, полноте и осмысленности жизни, осуществлению своего человеческого назначения. В работе польского автора В. Татаркевича «О счастье и совершенстве человека» представлен широкий калейдоскоп мнений, оценок, суждений по проблеме счастья и проблеме человеческого совершенствования. Автором выделяется четыре основных компонента понятия счастья: 1) благосклонность судьбы, удача; 2) состояние интенсивной радости; 3) обладание наивысшими благами, положительный баланс жизни; 4) чувство удовлетворения жизнью. По В. Татаркевичу, эти четыре значения являются наиболее распространенными, но ни одно из них смысл понятия счастья полностью не раскрывает (Татаркевич 1981).

Проблема счастья была предметом научного интереса многих российских лингвистов: С.Г. Воркачева, В.В. Колесова, Н.А. Красавского, В.И. Карасика, Г.Г. Слышкина, Анны Зализняк, О.М. Михайленко и др. В данных работах, выполненных в терминах таких подходов, как лингвокультурологический, концептуальный, когнитивно-семантический, психолингвистический, категория счастья представлена в разных ракурсах, поскольку каждое исследование демонстрирует уникальные грани понимания счастья в русском сознании. Но, как известно, разнообразие и богатство языкового материала, исследовательский угол зрения дают возможность вновь и вновь обращаться к этой теме. Именно выявление этноментальной специфики понимания счастья в русской лингвокультуре является целью данной статьи.

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

Лингвокогнитивная интерпретация концепта является ключевой в описании концепта. Целевыми ориентирами в рамках лингвокогнитивного анализа является установление содержательного объема концепта. Установлено, что семантическое пространство языка, включающее обширный спектр языковых значений, представляет своего рода богатейший ресурс, который открывает путь к культурно и аксиологически значимым знаниям, представляющим опыт восприятия и постижения человеком мира. По утверждению Т.Б. Радбиля, «...за так называемыми словарными, системными значениями слов стоит некий глубинный слой неэксплицированной концептуальной информации, связанной с особенностями взаимодействия человека со средой, с его опытом и спецификой познавательной активности по освоению окружающего мира» (Радбиль 2010: 164).

Этот подход способствует моделированию виртуальной конфигурации концепта. «Под когнитивной интерпретацией понимается мысленное обобщение на более

высоком уровне абстракции результатов описания значений языковых единиц, номинирующих концепт, для выявления и словесного формулирования когнитивных признаков, репрезентируемых теми или иными значениями или семантическими компонентами этих языковых единиц, с целью итогового моделирования содержания концепта» (Попова, Стернин 2007: 200). Однако не только когнитивные признаки составляют контент концепта. Когнитивный признак — это наиболее существенный смысловой признак, который фиксирует свойства концепта, связанные с познавательным процессом категоризации, актуализации существенных константных черт объекта. Процедура выявления когнитивных признаков концепта наиболее эффективна при анализе номинативных единиц лексики, синтагмо-номинаций, идиом. Фразеологизмы дополняют номинативный инвентарь языка новыми оценочно-экспрессивными единицами, идиомы всегда более насыщены яркими оттенками. Они, как правило, описывают такие свойства обозначаемых явлений, событий, реалий, которые могут быть незафиксированными в лексических номинациях.

Учитывая сложность, объемность и многослойность концепта, помимо когнитивных признаков, его структуру формируют такие единицы, как ментальные стереотипы, культурные коды, образы и представления. Ментальные стереотипы раскрывают особенности национального характера, поведения, взглядов. В психологии стереотипное мышление связывают с такими чертами, как устойчивость, избирательность и эмоциональное основание.

Стереотипизация — это процесс возникновения устойчивого убеждения или образа, когда исходя из собственной или общественной практики человек закрепляет в сознании какую-либо картинку мира (Стефаненко 2014). Лингвокультурные и лингвокогнитивные исследования по этой проблеме подтверждают постулаты психологической науки. По определению В.В. Красных, стереотип — это некоторый образ-представление, это «ментальная «картинка», некое устойчивое, минимизировано-инвариантное, обусловленное национально-культурной спецификой представление о предмете или ситуации» (Красных 2002). «Стереотипы — это обобщенное суждение, которое мы используем для описания наблюдаемых событий повседневной жизни. В разных социальных, национальных и профессиональных группах вырабатывается устойчивость стереотипов, привычная интерпретация определенных фактов. Это является логичным, поскольку стереотипизация — необходимый инструмент в процессе познания мира, применяемый для надежной категоризации и прогнозирования ситуаций, составляющих ее когнитивную базу» (Швец 2016) Установление стереотипов конструктивно реализуется на паремиологическом материале. В пословицах и поговорках в краткой, сжатой форме нередко отражаются уникальные ментальные стереотипы, свойственные национальной концептосфере народа. «Стереотипная природа ценностно-смысловых репрезентаций во многом соответствует функциональному потенциалу паремий, реализующих языковой и ментальный стереотип, исходя из жанровых особенностей отдельных афористических видов». (Семененко, Лисицына 2015: 89).

Образный компонент также является одним из значимых составляющих концепта. Как известно, картина мира отражается не только в рационально-логическом познании, но и в сенсорно-перцептивном восприятии, не только в понятиях, но и через призму образов. Эта часть концепта формируется главным

образом переносными значениями метафор, сравнений, тропов. Образы, символы могут быть зрительными, цветовыми, световыми, звуковыми, пластическими, обонятельными и т. д.

МЕТОДЫ И МАТЕРИАЛ

Описание концепта — это специальные методы и приемы интерпретации значений его имени и языкового континуума его обозначений. Основоположниками по когнитивной лингвистике в российской науке детально разработаны методика и алгоритмы описания концептов (см. работы З.Д. Поповой, И.А. Стернина, В.И. Карасика, Н.Н. Болдырева, С.Г. Воркачева, М.В. Пименовой и др.). На начальном этапе производится отбор материала, который формирует языковую «оболочку» (каркас) концепта, выявляя способы его вербализации. Для установления языкового «каркаса» концепта из академических словарей русского языка (см. библиографию) был собран следующий материал:

- 1) лексические номинации концепта;
- 2) фразеологические номинации и устойчивые сравнения;
- 3) синтагмо-номинации с ключевым словом;
- 4) паремиологические единицы (поговорки и пословицы);
- 5) примеры из фольклора, публицистических текстов, авторские изречения из литературных произведений.

Далее было проведено семантическое описание комплекса языковых средств выражения концепта «счастье». На основе выявления и систематизации языковых значений единиц каждого уровня подготовлен семантический контент для проведения основного анализа по лингвокогнитивной интерпретации концепта. На следующем этапе проводится моделирование структуры концепта, состоящего из понятийного ядра, когнитивной сферы, образно-символической сферы и культурно-ценностной сферы.

Лингвокогнитивный подход к описанию концепта обеспечивает:

- 1) выявление понятийного объема концепта, представляющего ядро концепта;
- 2) установление спектра значимых когнитивных признаков, актуализирующих способ категоризации и дифференциации;
- 3) выявление характерных для коллективного сознания ментальных стереотипов;
- 4) выявление специфики образного восприятия исследуемого концепта;
- 5) установление культурно-ценностной значимости концепта.

При моделировании концепта особое внимание было обращено на такое свойство концепта, как сложность и многослойность. Несмотря на максимальный охват языкового, речевого и текстового материала, не представляется возможным при его описании полностью передать содержание концепта. В числе причин указываются следующие факторы: во-первых, концепт представляет собой объемную ментальную

единицу, в которой всегда есть невербализованная часть содержания (см. Попова, Стернин); во-вторых, концепт — величина динамичная, в огромной степени зависимая от состояния общества, общественной ситуации: «...содержание концепта, а также его взаимосвязи с другими концептами зависят от изменений в массовом сознании, которые в свою очередь определяются изменениями в общественной жизни, сменой приоритетов и ценностей» (Крючкова 2005: 23). По этому вопросу существует две дополняющие друг друга точки зрения: первая — об отражении концептом современного состояния и положения: «...любое синхронное описание концепта всегда будет именно описанием структуры и содержания концепта на данном конкретном историческом этапе, и его нельзя экстраполировать на более или менее длительный период существования общественного сознания» (Попова, Стернин 2007: 114–115). Другое мнение связано с ретроспективным характером языковых значений, в которых запечатлен опыт прошлого: «рассмотрение проблемы связи между познанием языка и познанием культуры в направлении от первого (реконструкция языка) ко второму (реконструкция культуры): выявление мотивированности, внутренней формы того или иного слова ведет к постулированию тех или иных черт древнего миропонимания, тех или иных этнокультурных моментов» (Журавлев 2000: 45).

КОГНИТИВНЫЙ КОНТЕНТ КОНЦЕПТА «СЧАСТЬЕ»

1. Понятийно-семантическая сфера

В основе внутренней формы лексемы *счастье* лежит семантика соучастия, др.-рус. (и зап.-сл.) из и.-е. *Su* ‘хороший’ и *castь* «часть» — «хорошая доля» (или «совместная доля»); ср. др.-рус. *счастънь* «причастный»; др.-рус. «счастье, удача». *Счастье* — совместное переживание как личная часть (доля) при участии в общем деле (*участь*) (Колесов 2014: 363). «...этимология, предполагающая поиски внутренней формы слова и дальнейшего семантического и формального варьирования слова в процессе познания и освоения человеком мира, становится одной из составляющих когнитивного подхода к языку, обеспечивая понимание процессов и механизмов когнитивной деятельности языкового сознания на ранних стадиях возникновения языка...» (Кожина 2010: 176). Лексическое содержание слова, ставшего именем концепта, является исходным источником анализа концепта. «Лексическое значение слова представляет собой разновидность знания о мире. Именно поэтому оно оказывается в тесной зависимости от свойств и признаков предметов окружающей действительности. Значение слова изначально существует для фиксации знаний людей, полученных в процессе познания окружающей действительности» (Стернин 1985:23). Понятийный уровень представляет собой базовый слой концепта; для его раскрытия были выявлены основные лексические номинации, являющиеся экспонентами концепта. Существенным индикатором языковой значимости концепта является степень его вербализованности в лексической системе языка, которую В.И. Карасик предложил измерять термином «номинативная плотность». (Карасик 2004:112). Концепт «счастье» на лексическом уровне представляют следующие номинации: *счастье, благополучие, благоденствие, благодать, блаженство, победа,*

свобода, благосостояние, рай, процветание, слава, наслаждение (см. словарь Абрамова). Двенадцать единиц, раскрывающих разные понятийные грани концепта «счастье», свидетельствуют о его значимости, о его достаточно существенном аксиологическом весе для носителей русского языка: «...чем многообразнее потенциал знакового выражения концепта, тем более древним является концепт и тем выше его ценностная значимость в рамках данного языкового коллектива» (Слышкин 2000: 18). По результатам анализа приведенных лексических номинаций, составляющих номинативное поле концепта «счастье», можно установить его понятийный объем, на основе чего можно получить определенное представление о восприятии счастья в русском сознании. Ср.:

- 1) Счастье понимается и как «состояние высшей удовлетворенности» (*успех, удача*) и как предначертание свыше (*доля, судьба*).
- 2) Счастье как высшее духовное состояние, которое пересекается с православной духовностью (*благоденствие, благодать, благо*).
- 3) Другая часть номинаций (*блаженство, рай, наслаждение*) связана с эпикурейским восприятием счастья, когда высшим благом считается наслаждение как в физическом, так и в эмоциональном плане.
- 4) Следующая группа лексических единиц (*свобода, победа, слава*) раскрывает чисто русское понимание счастья как результат огромных усилий человека, связанных с достижением каких-то целей, преодолением тяжелых испытаний, избавлением от неволи, кабалы.

2. Когнитивная сфера

Атрибутивные синтагмы со словом *счастье* актуализируют следующие когнитивные признаки (далее КП):

- КП «временной параметр» (счастье: *долгожданное, мимолетное, недолговечное, недолгое, непостоянное, непродолжительное, скоротечное, постоянное, вечное, утраченное, бесконечное, неожиданное, нежданное, забытое, будничное* и т. д.);
- КП «величина и размер» (счастье: *большое, безграничное, безмерное, громадное, огромное, неоглядное, маленькое, крошечное, ничтожное, великое*);
- КП «объем и вес» (счастье: *полновесное, полное, пустое, легкое*);
- КП «постоянство проявления» (счастье: *зыбкое, изменчивое, хрупкое, шаткое, некрепкое, ненадежное, неизменное, переменчивое, непрочное*);
- КП «носитель состояния» (счастье: *бабье (разг.), женское, девичье, детское, личное, людское, народное, семейное, солдатское, супружеское, мещанское, человеческое, обывательское, спортивное*);
- КП «с точки зрения соответствия истине»: *подлинное, простое истинное, беспричинное*.

По субъективному впечатлению синтагмо-номинации конкретизируют следующие аспекты восприятия счастья

- благоприятное впечатление (счастье: *пленительное, безмятежное, безоблачное, таинственное, томительное, трепетное, удивительное, чистое, неповторимое, неизбывное*);
- негативное впечатление (счастье: *беспечное, обманчивое, показное, беспутное мучительное, невыразимое, слепое, примитивное*);
- по мистическим признакам: (счастье: *призрачное, неизведанное, загадочное, сокровенное тайное, идиллическое*).

Когнитивный анализ фразеологических единиц обнаружил следующие когнитивные признаки, которые отражают определенные параметры категоризации в свете фразеологической репрезентации концепта «счастье»:

- КП «Разновидности счастья» (*безоблачное счастье; мещанское счастье; слепое счастье, еврейское счастье*);
- КП «пути обретения счастья» (*кузнец своего счастья, ковать счастье, счастье улыбнулось, вытянуть счастливым билет, попытать счастья, родиться под счастливой звездой*);
- КП «образы проявления счастья» (*птица счастья, счастливая рука, счастливая звезда, колесо счастья и колесо фортуны*).

Анализ фразеологизмов позволил установить важные когнитивные признаки, которые обозначили особенности *словесно-логического осмысления* (см. С.Л. Рубинштейна) счастья в русском языковом сознании. Русские фразеологизмы о счастье актуализируют такие аспекты русского взгляда на мир, как вера в случайную удачу; и наряду с этим в русском человеке есть убежденность, что он сам творит свое счастье, которое приходит как награда за неутомимый труд, как подарок судьбы, как неожиданная удача.

Одной из существенных составляющих когнитивного контента концепта «счастье» являются ментальные стереотипы. Паремнологическая концептуализация категории счастья актуализирует следующие стереотипы:

- счастье изменчиво, непостоянно и труднодоступно (*Счастье, что солнышко: и улыбнется, и скроется; Счастье, что волк: обманет и в лес уйдет; Счастье — вольная птичка: где захотело, там и село; Счастье не конь, хомута не наденешь и др.*)
- счастье нужно заслужить трудом и усилиями (*Всяк человек своего счастья кузнец; Счастье у каждого под мозолями лежит; Счастье в воздухе не вьется, а руками достается. Там счастье не диво, где трудятся не лениво; Кто за счастье борется, к тому оно и клонится и др.*).
- морально-духовная сила счастья (*Час в добре поживешь — все горе забудешь; Счастье ума прибавляет, а несчастье — последний отнимает. В счастье человек добреет, а от бед звереет. Счастье — на крылах, а несчастье — на костылях.*
- счастье равно удаче (*Кому повезет, у того и петух несется. Со счастьем на клад набредешь, без счастья и гриба не найдешь. Для счастья ума не надо и др.*);
- счастье сопутствует человеческим добродетелям (*Не родись красивым, а родись счастливым; Любовь и согласие — счастье; Счастлив тот, у*

кого совесть спокойна; Где правда, там и счастье; Правда — хорошо, а счастье — лучше и др.);

- о неразделимости счастья и несчастья (*Счастье с несчастьем близко живут. И май бывает ненастен, и в счастье человек бывает несчастен. Счастье с несчастьем двор о двор живут. Счастье с несчастьем на одних санях ездят. Не было бы счастья, да несчастье помогло. Счастье с несчастьем смешалось, кому что досталось и др.);*
- довольствоваться малым, находить счастье в малом (*У кого хлебушко, у того и счастье; Нет горя — уже счастье; Счастливое дитя и без сорочки счастливо и др.);*
- счастье у каждого свое (*Всякому свое счастье — в чужое не заедешь; Счастье у каждого свое; Счастлив медведь, что не попался стрелку; счастлив и стрелок, что не попался медведю и др.);*
- счастье предпочтительней богатства (*Счастье лучше богатства; Счастья на деньги не купишь; Счастье не в кошельке, счастье в руках и др.);*
- неверие в счастье (*Наше счастье — дождь да ненастье. Наше счастье — решето дырявое и др.);*

2.1 Когнитивная интерпретация концепта «счастье» в литературном дискурсе

Отношение к счастью в поэтическом дискурсе (Воркачев, Дербишева 2017: 78–86) актуализируется через следующие стереотипы:

- личное счастье связано с судьбой страны: *Я не сумел бы стать счастливым, / Коль счастье лишь в моем дому (Дементьев); Счастливый, / Я не нужен никому, / Счастливым быть / Мне стыдно одному (Федоров); Я счастлив, что я этой силы частица, / Что общие даже слезы из глаз (Маяковский).*
- русское счастье всегда выстрадано: *Поверь, мой друг, страданье нужно нам; / Не испытав его, нельзя понять и счастья (Баратынский); В страданьи блаженства стою пред тобою (Фет); Я хочу стремиться к боли, / В этом счастье мое (Бальмонт); Загрущу, / Затоскую, / Если стану счастливым (Федоров);*
- русское счастье беспокойно: *Жизнь скучна, когда боренья нет (Лермонтов); В звоне каждого дня / Как я счастлив, что нет мне покоя (Ваншенкин); ...За мною / Огромный опыт бедственного счастья, / Разлук, тревог. Покоя нет на свете (Луговской);*
- русское счастье не может быть наполовину, оно должно быть всеобъемлющим: *Жить не украдкой, жить не ползком, / Подобно горной лететь лавине. / Мне нужно счастье все, целиком, / Мы не сойдемся на половине (Матусовский); Я не хочу ни половины счастья, / ни половины горя не хочу (Евтушенко); Если любовь, то великая, если счастье, то бесконечное, если страдание, то бездонное... (Чехов).*
- русское счастье живет либо в воспоминаниях, либо в мечтах: *Пора о счастье учиться вспоминать (Фет); О счастье мы всегда лишь вспоминаем (Бунин);*

Настоящее счастье всегда впереди (Луговской); *Товарищ, верь: взойдет она, / Звезда пленительного счастья* (Пушкин).

В произведениях русских писателей и философов осмысление счастья раскрывается в следующих стереотипах:

Стереотипы	Высказывания русских писателей, мыслителей
Счастье — это состояние, которое приходит при достижении цели	<i>Нельзя целью поставить себе счастье: невозможно на земле личное счастье как цель. Счастье дается совсем даром тому, кто ставит какую-нибудь цель и достигает ее после большого труда</i> (Пришвин). <i>Счастье не может быть целью; оно может сопутствовать при достижении цели. Счастье завоевывается и вырабатывается, а не получается в готовом виде из рук благодетеля</i> (Писарев).
Счастье достигается самосовершенствованием	<i>Благосостояние отдельных лиц приобретается и достигается не счастьем, не даром, а трудами, усилиями, заслугами</i> (Лесков) <i>Счастье на свете одно — это быть самим собой... Быть самим собой значит и быть победителем... Так или иначе, счастье в победе и своем становлении...</i> (Пришвин). <i>Ибо счастье лежит не вне человека, а в нем самом, и единственный путь к его достижению есть самопознание</i> (Трубецкой).
Служение добру несет счастье	<i>Счастье есть корень и источник добродетели, но такой источник, который сам есть уже нечто иное, как следствие внутренней добротной сущности лица</i> (Лосский).
Счастье зыбко, изменчиво	<i>Он долго по свету за счастьем бродил — / Но счастье, как тень, убежало... Но сладкое счастье не дважды цветет</i> (Жуковский). <i>Скажи, о чем твоя печаль? Не той ли думой ты томим, / Что счастье, как морская даль, / Бежит от нас неуловимо?</i> (А.К. Толстой).
Счастье — в покое	<i>На свете счастья нет, / Но есть покой и воля</i> (Пушкин). <i>Что счастье? Короткий миг и тесный, / Забвенье, сон и отдых от забот</i> (Блок). <i>Для славянина счастье — эйфория, или покой, или только надежда, тогда можно быть счастливым человеком</i> (А. Шмелев).
Русское счастье — в отсутствии несчастий	<i>Дело в том, что счастье — это всего лишь отсутствие несчастья</i> (Солоухин). <i>Счастье— оно, как здоровье, если о нем не говорят, значит, оно есть</i> (Тургенев).
Русское счастье стыдливо, спокойно, незаметно	<i>А впрочем, стыд личного счастья есть основная черта русской культуры, и русская литература широко распространила эту идею, тут весь Достоевский и Толстой...</i> (Пришвин).

3. Образно-символическая сфера

Образное восприятие счастья ярко демонстрируется атрибутивными синтагмами, представляющими метафорические сочетания лексемы *счастье* с разнообразными эпитетами. Учитывая сугубо человеческий характер рассматриваемого эмоционального состояния, концепт «счастье» в сознании русского человека ассоциируется с живым существом, то есть персонифицируется, проявляя антропоморфные свойства счастья. Ср.:

- человеческий характер: (счастье: *капризное, горделивое, прихотливое, своенравное, скромное, наивное, спокойное, покойное, тихое, кроткое*);
- человеческое поведение (счастье: *беззаботное, беспокойное, бурное, безудержное, безумное, шальное, смиренное, шаловливое, буйное, неудержимое*);
- эмоциональное проявление (счастье: *унылое, горестное, горемычное, грустное, радостное*

Кроме того, встречаются и лингвокультурные коды перцептивного свойства, которые передают восприятие счастья через образ света (счастье: *яркое, ясное, солнечное, светлое, лучезарное*) и через вкусовые ощущения (счастье: *горькое, сладкое*).

Своеобразие образной интерпретации русского счастья особенно ярко прослеживается в фразеологизмах и метафорах. Во фразеологической метафорике счастье прежде всего ассоциируется с чем-то возвышенным, идеальным, чаще всего с небесной вышью, со звездами. Фразеологизмы русского языка передают визуальные образы счастья. Метафорические образы, лежащие в основе языковых единиц, актуализируют следующие лингвокультурные коды. Счастье в русском сознании, наделяясь человеческими свойствами, воспринимается через антропоморфный код. Ср.: *счастье живет, счастье любит; счастье улыбнулось, счастье ушло, счастье вернулось; счастье приходит, улыбка счастья; счастье и несчастье на одном коне ездят*. Счастье как деятель: *счастье изменило*. В следующих выражениях актуализируется зооморфный код. Порою счастье предстает в образе вольной птицы или в образе волка. Ср.: *птица счастья, на крыльях счастья, парить от счастья; Счастье что волк: обманет и в лес уйдет*. Темпоральный код связан с конкретизацией временных отрезков состояния счастья (*миг счастья, пора счастья, часы счастья, время счастья*, а также уточнением его фаз и длительности (*счастье кончилось, счастье длилось, счастье наступило* и др.)). Код световой энергии представляет свет как источник счастья: *отблеск счастья, свет счастья, луч счастья, лучик счастья, искорки счастья, огоньки счастья, искра счастья*; Образ света сопровождает также ощущение счастья: *засветиться счастьем, озариться счастьем, жмуриться от счастья, засиять счастьем, гореть счастьем, осветиться счастьем вспыхнуть счастьем, сверкали счастьем* и др. В следующих метафорах присутствует идея воды, водной субстанции. Ср.: *море счастья, волна счастья, поток счастья, капелька счастья, капля счастья* и др. В выражении *утопать в счастье* проявляется ощущение физического наслаждения от пребывания в воде. Стремление к счастью ассоциируется с желанием утолить жажду: *жажда счастья, жаждать счастья* и др. Пространственный код — рождение образа вертикальной шкалы, когда желаемые

помыслы проецируются на высоту, символически отражает устремленность человека к обретению счастья. Ср.: *вершина счастья, верх счастья, на пике счастья* и др. Код пространственной локализации: *дом счастья, на пороге счастья, островок счастья, чаша счастья* и др. Астрономические образы также ассоциируются с высотой: *звезда пленительного счастья, солнце счастья, на седьмом небе от счастья, атмосфера счастья* и т. д. В русском сознании счастье может быть рукотворным и поэтому воспринимается через предметный код. Во фразеологизмах *колесо счастья* и *колесо фортуны* счастье ассоциируется с колесом, каждый поворот которого символизирует поворот судьбы. Счастье может ассоциироваться и с бытовыми предметами (*счастье наше, что решето дырявое*). Предметный код актуален для следующих метафор: *кусочек счастья, частичка счастья, частица счастья, крупинцы счастья, счастье привалило* и др. Счастье как объект приобретения: *ловить свое счастье, гнаться за счастьем, отнять счастье, нести счастье, обладать счастьем, купить счастье, делать счастье*. Счастье как объект утраты: *лишиться счастья*. Количественный код раскрывает образ дозированного восприятия счастья: *избыток счастья, толика счастья, доля счастья, порция счастья*. Перцептивные ассоциации: *вкус счастья* (вкусовое восприятие), *призрак счастья* (зрительное восприятие), *запах счастья, аромат счастья* (восприятие обонянием), *картины счастья* (визуальный образ). Медицинский код: *рецепт счастья, таблетки счастья, приступ счастья* и др. Код физического воздействия: *сжиматься от счастья, плавиться от счастья*. Милитарный код: счастье как объект борьбы: *завоевать счастье, сражаться за свое счастье, питать счастья* и др.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Счастье — это универсальная категория, которая относится к общечеловеческим морально-духовным ценностям. Но вместе с тем понимание счастья для каждого народа этнически мотивировано. У русского народа существует свое понимание счастья. Лингвокогнитивное описание концепта «счастье» как сложного конструкта подтвердило выводы, сделанные в предыдущих исследованиях.

В данной статье на материале многоуровневой вербализации смоделирована виртуальная конфигурация концепта «счастье», в которой объединены понятийный, семантический, собственно-когнитивный и образный фрагменты.

Так, семантический анализ лексических номинаций эксплицировал разные грани понимания счастья: как состояния высшей удовлетворенности, как высшее духовное состояние, которое пересекается с православной духовностью, как результат огромных усилий человека, связанных с достижением каких-то целей.

Анализ атрибутивных синтагм раскрыл широкий спектр аспектов восприятия счастья, к которому русский человек подходит с разными мерками: различая его по силе впечатления и по мощи проявления, измеряя его по временной продолжительности, воспринимая по величине и весу, ощущая его по вкусу, по степени яркости; счастье персонифицируется и «дублирует» эмоциональное поведение людей и т. д.

Когнитивный фрагмент концепта представил рациональные аспекты осмысления счастья, связанные с дифференциацией разновидностей счастья, способов его

достижения. Формулы, обобщающие паремиологическую интерпретацию счастья, раскрыли ментальные стереотипы в плане его этнокультурного толкования. В русском сознании актуализируются такие свойства счастья, как его изменчивость; счастье воспринимается как награда за труды или же за нравственную чистоту помыслов. Подтверждается мысль, что русский человек непритязателен к судьбе, он готов довольствоваться малым и даже готов привыкнуть к несчастью. В поэтическом восприятии русское счастье — это высоко духовное состояние, обусловленное в первую очередь благополучием родной страны. Оно заслуживается самоотверженным трудом во имя всеобщего блага, борьбой за высокие цели и сопряжено со страданиями, вызванными правдоискательством и стремлением восстановить справедливость.

БИБЛИОГРАФИЯ

- АБРАМОВ, Н.А. (2008): *Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений*. Аст: Москва.
- БОЛЬШОЙ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ РУССКОГО ЯЗЫКА, (2010): под ред. Телия В.Н., 4-е изд., Аст-Пресс, Москва.
- ВОРКАЧЕВ, С.Г., ДЕРБИШЕВА, З.К. (2017): “Уникальность универсалий: счастье в русской и киргизской лингвокультурах”, *Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики*. № 4 (28). Владикавказ, С. 78–86.
- ГОРБАЧЕВИЧ, К.С. (2006): *Словарь эпитетов русского литературного языка*. Норинт, СПб.
- ЖУКОВ, В.П. (2000): *Словарь русских пословиц и поговорок*. Москва.
- ЖУРАВЛЕВ, А.Ф. (2000): “Наивная этимология и „кабинетная мифология“, in: Варбот, Ж.Ж. (ред.), *Этимология*. 1997–1999. Москва, 45–59.
- КАРАСИК, В.И. (2004): *Языковой круг: личность, концепты, дискурс*. Москва
- КОЖИНОВА, А. А. (2010): *Когнитивная лингвистика и этимология // Anstatt, Tanja / Norman, Boris (eds.) Dieslavischen Sprachenim Lichtderkognitiven Linguistik / Славянские языки в когнитивном аспекте*. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag. – S. 179-196.
- КОЛЕСОВ, В.В. (2014): *Словарь русской ментальности*, в 2 томах: Златоуст, Санкт-Петербург.
- КРАСНЫХ, В.В. (2002): *Этнопсихолингвистика и лингвокультурология*. Гнозис, Москва.
- КРЮЧКОВА, Н.В. (2005): *Лингвокультурное варьирование концептов*. Научная книга. Саратов.
- ПОПОВА, З.Д., СТЕРНИН, И.А. (2007): *Когнитивная лингвистика*. АСТ: Восток-Запад, Москва.
- РАДБИЛЬ, Т.Б. (2010): *Основы изучения языкового менталитета*. Флинта-Наука, Москва.
- СЕМЕНЕНКО, Н.Н., ЛИСИЦЫНА, Г.А., (2015): «Ментальный стереотип как смыслообразующий фактор в ценностных паремических репрезентациях». *Вестник Вятского государственного гуманитарного университета*.

- СЛОВАРЬ СОЧЕТАЕМОСТИ СЛОВ РУССКОГО ЯЗЫКА, (2002): Под ред. П.Н. Денисова, В.В. Морковкина. 3-е изд., Москва.
- СЛЫШКИН, Г.Г. (2000): *От текста к символу. Лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе*. Москва.
- СТЕРНИН, И.А. (1985): *Лексическое значение слова в речи*. Изд-во Воронежского университета, Воронеж.
- СТЕФАНЕНКО, Т.Г. (2014): *Этнопсихология*, 5 изд.: ЗАО «Аспект Пресс», Москва
- ТАТАРКЕВИЧ, В. (1981): *О счастье и совершенстве человека*. Прогресс, Москва.
- ШВЕЦ, Э.И. (2016) “Стереотипные представления во фразеологии (на материале французского языка)”, журнал *Преподаватель XXI век*.

BIBLIOGRAPHY

- ABRAMOV, N.A. (2008) *Slovar' russkih sinonimov I shodnyh po smyslu vyrazhenij*. Ast., Moskva.
- BOL'SHOJ FRAZEOLOGICHESKIJ SLOVAR' RUSSKOGO JAZYKA, (2010): 4-e izdanie, pod red. Teli V.N., Ast-Press, Moskva.
- GORBACHEVICH, K.S. (2006): *Slovar' epitetov russkogo literaturnogo jazyka*. Norint, Sankt-Peterburg.
- KARASIK, V.I. (2004): *Yazykovoy krug: lichnost, koncepty, diskurs*. Moskva.
- KOLESOV, V.V. (2014): *Slovar' russkoj mentalnosti*, v 2 tomah: Zlatoust, Sankt- Peterburg.
- KOZHINOVA, A.A. (2010): *Kognitivnaia lingvistika i etimologia// Anstatt, Tanja / Norman, Boris (eds.) Die slavischen Sprachen im Licht der kognitiven Linguistik / Slavianskie jazyki v kognitivnom aspekte*. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag. S. 179-196.
- KRASNYH, V.V. (2002): *Etnopsicholingvistika i lingvokulturologia*. Gnozis, Moskva
- KRIUCHKOVA, N.V. (2005): *Lingvokulturnoe varjирование konceptov*. Nauchnaja kniga, Saratov.
- POPOVA, Z.D., STERNIN I.A. (2007): *Kognitivnaja lingvistika*. AST: Vostok-Zapad, Moskva.
- RADBIL, T.B. (2010): *Osnovy izucheniya jazykovogo mentaliteta*. Flinta- Nauka, Moskva.
- SEMENENKO, N.N., LISICINA, G.A., (2015): «Mentalnyj stereotip kak smysloobrazuiushij faktor v cennostnyh paremicheskikh reprezentacijah», *Vestnik Viatskogo gosudarstvennogo humanitarnogo universiteta*.
- SHVEC, E.I. (2016) “Стереотипные представления во фразеологии (на материале французского языка)”, журнал *Преподаватель XXI век*.
- SLOVAR' SOCHETAEMOSTI SLOV RUSSKOGO JAZYKA, (2002): Под ред. П.Н. Денисова, В.В. Морковкина. 3-е издание, Москва.
- СЛЫШКИН, Г.Г. (2000): *От текста к символу. Лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе*. Москва.
- СТЕФАНЕНКО, Т.Г. (2014): *Этнопсихология*. 5 издание, ЗАО “Аспект Пресс”, Москва.
- СТЕРНИН, И.А. (1985): *Лексическое значение слова в речи*. Издательство Воронежского университета, Воронеж.
- ТАТАРКЕВИЧ, В. (1981): *О счастье и совершенстве человека*. Progress, Moskva

- VORKACHEV, S.G., DERBISHEVA, Z.K. (2017): «Unikalnost' universalij: schastie v ruskoj i kirgizskoj lingvokulturah». *Aktualnye problemy filologii i pedagogičeskoj lingvistiki*. № 4(28), Vladikavkaz, pp. 78-86.
- ZHUKOV, V.P. (2000): Slovar' russkih poslovic I pogovorok. Moskva.
- ZHURAVLEV, A.F. (2000): "Naivnaja etimologija i "kabinetnaja mifologija" in: ETIMOLOGIA. 1997-1999, pp.45-59.